

JĘZYKOZNAWSTWO

Piotr Czerwiński

Uniwersytet Śląski w Katowicach

**ФОРМЫ И ВЕТВИ СЕМАНТИКИ ОДНОГО
ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО КОРНЯ:
LICH- И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ****The Semantic Forms, Branches and Derivatives of the all-Slavonic Root *lich-***

ABSTRACT: The *lich-* root as well as its marginal semantic lines are described here. The description is based upon folk and mythological images and also upon etymologic data, including the meaning of this root and its derivatives in Slavonic languages (chiefly in Russian and Ruthenian). The semantics is labelled as excess (superfluity), insufficiency (lack), harmfulness (damage), dash (Dutch courage) as well as being presented with the semantic signs and forms reflected in words. Presented is the possible semantic mechanism for the development and transition from the initial meanings to newer ones. We explain the logic of the association root in question with the old images of lot and moderation. Future research prospects for the *lich-* root as well as its semantic and morphological derivation are shown. This includes not only literary variants but equally dialectal and regional ones.

KEYWORDS: Slavonic languages, semantics, etymology, derivation, root meanings

У А.Н. Афанасьева в его трехтомном собрании русских народных сказок¹ имеются два сюжета с тем персонажем, который является мифологическим воплощением интересующего нас предмета. Это *Лихо* (572) и *Лихо одноглазое* (302). В первом из них появляется великан, «громадный и тучный», «голова на покути, ноги на печке; ложе под ним – людские кости», «а само Лихо слепое». Во втором это «высокая женщина, худошавая, кривая, одноокая». Объединяющими

¹ *Народные русские сказки А.Н. Афанасьева*. В трех томах, т. 1-3, Москва: Государственное издательство художественной литературы 1957.

мотивами обоих сюжетов является то, что лихо идут искать, а также то, что, спасаясь от Лиха, которое намеревается ищущего и нашедшего его героя съесть, тот, убегая, теряет правую руку. В первом (572) случае в тексте прямо содержится указание на это: «правую руку не уберег, в дверях оставил». Во втором (302) это следует из положения: желая взять топорик с золотой ручкой, герой хватается за него – «рука и пристала к нему». После чего, с тем чтобы уйти, спасаясь от Лиха, к нему направляющегося, он отрезает себе эту руку, а поскольку брался он за топорик, как можно себе представить, правой рукой, то и рука та должна быть правая.

Еще одним важным и объединяющим оба сюжета мотивом является прямо высказываемый результат. Оставив руку в дверях, герой восклицает: «Оце лыхо!» (572). Другой, в свою очередь, когда приходит в деревню, «начал показывать руку, что теперь видел лиху. «Вот, – говорит, – посмотрите – каково оно: я, – говорит, – без руки, а товарища моего совсем съела».

Не входя в объяснение прочих не менее важных деталей, выделим только те, которые будут нас интересовать. Первое положение связывается с представлением о том, что лихо идут искать. «Что, – говорит, – я горя никакого не видал. Говорят, лиху на свете есть, пойду поищу себе лиху» (302). «Поищу себе лиху», – так говорит герой, который к тому же кузнец². Не случайно, видимо, то, что *себе*, поскольку *горя никакого не видал*. Горе в образе лиха для чего-то надо найти и увидеть. В сюжете 572 «Жил да был человек и не знал, что то есть на свете лиху; слышит – люди часто его поминают, и решил во что бы то ни стало увидеться с ним».

Мотивацией поиска, по внешнему виду, представляется любознательность, чтобы не говорить любопытство, движимые необходимостью восполнения недостающего знания (видения). Хотя, если вдуматься основательно, а также с учетом дальнейшего, следовало бы предположить, в идее поиска лиха себе, стремление узнать то, что ждет, в негативной проекции (доля как горезлосчастье). С тем, чтобы, увидев воочию, в непосредственном столкновении с ним, потеряв и пожертвовав (правой рукой), предотвратить, избежать горезлосчастья большего и, в конечном итоге, уйти от него. Подобное действие можно представить как действие упреждающее и по смыслу магическое. Однако не будем входить, развивая, в этот немаловажный для традиционных воображений мотив.

Вторая особенность, по внешнему виду не связанная вроде бы с упомянутой первой, обращается вокруг того, как выглядит Лихо. В первом случае это выпирающий во все стороны, не вмещающийся в своем помещении (в себе) великан.

² Мотив кузнеца, «кующего себе лиху», правда, в несколько ином исполнении, но, видимо, не без связи с общей идеей *к о в а н и я* (кузнец в сюжете у Афанасьева, признаваясь в своей профессии, вызывается выковать одноокой глаз, в результате чего лишает ее последнего), – подобный мотив можно отметить в русской пословице «Был бы коваль и ковалиха, будет и этого лиха!» (В.И. Даль поясняет – детей).

Слишком много его, и при этом никак не случаен его такой внешний излишек. Это Лихо, по сказке, среднего рода: «Подало ему Лихо человечью голову»; «Узнало Лихо побег и закричало», и к тому же – с л е п о е. Во втором, напротив, следует говорить, скорее, о недостаточности, о меньшем, чем надо бы быть. При том, что Лихо одноглазое – это высокая женщина, она худошавая, кривая, одноокая, а в избе ее «пусто, нехорошо», «никого там нету». В дополнение к этому герой-кузнец вместо того, чтобы сковать ей глаз, напротив, лишает ее топором и шилом здорового³.

В обоих случаях, и это еще одна видящаяся немаловажной черта, Лихо не выпускает пришедшего человека. Вполне очевидным при этом становится вывод о поглощении. Одноокая, судя по тексту, намеревается съесть кузнеца, поскольку его товарищем, портным, она перед этим поужинала. Лихо другого сюжета подает человечью голову, потчует его гостя, с тем чтобы после того как тот съест ее («Скушай, голубчик, ты сам для меня вкусней будешь»), заняться им – «Ну, теперь твоя очередь».

Мы не случайно вывели в самом начале два рассмотренных в своих смысловых положениях сюжета. Связано это с тем, что как по значениям в языках, так и, согласно представленной по словарям этимологии, интересующий нас общеславянский корень, с включением производных, отображает, а точнее включает, содержит, фактически ту же семантику. Первое, на что следует обратить внимание и над чем задуматься в этой связи, это то, что *lich-* по своему характеру двойствен. В том, в первую очередь, отношении, что обозначает, с одной стороны, избыток, и з л и ш е к чего-либо (и здесь действует, себя проявляя, все тот же *lich-*), а с другой, и едва ли не в то же самое время, наоборот, недостаток, нехватку, л и ш е н и е. Получается, что, с одной опять-таки стороны, это нечто, что воспринимается и проявляет себя как л и ш н е е. И опять же с другой, как его очевидная противоположность – л и ш е н н о е.

Прежде чем, задумавшись над подобной задачей, постараться ее каким-то образом разрешить, обратившись для этого к этимологическим и не только к этимологическим сведениям, не входя на данном этапе в различные важные уточнения, представим по направлениям семантику разбираемого корня, которую, опираясь на словари, удалось получить. Таких направлений сложилось четыре. Обозначим их в данном месте условно. И это было бы 1) избыток, излишек, лишнее, в количестве, виде, объеме большем, чем надо, желалось бы, следовало; 2) недостаток, отсутствие, но не столько как таковые, а как то, что недодано, не получено либо чего лишено; 3) вредоносность, зло, недобро, то, что плохое, что несет в себе

³ Данный сюжет почти во всех деталях совпадает с греческим мифом о Полифеме, с лишением глаза, овцами, героем, спасающимся в вывернутой шубе шерстью наверх. Интересно и не случайно, что овец «Она все по одной выпускала; как хватит за спинку, так и выкинет ее. И он подполз; она и егохватила и выкинула». Здесь важно, что 'хватила (за спинку)' и 'выкинула'. Герой же, встав, говорит: «Прощай, Лихо! Натерпелся я от тебя лиха; теперь ничего не сделаешь». Та же в ответ: «Постой, еще натерпишься, ты не ушел!». С показательными мотивами в признаках 'натерпеться (лиха)', 'еще натерпеться', а также 'прощай (Лихо)' и 'постой', 'не ушел!'.

либо содержит порчу и зло, причиняет вред; 4) (отчаянная) смелость, храбрость, отвага, бравада, стремительность, резвость, умелость.

Дальнейшие ответвления четырех перечисленных направлений, равно как и возможные переходы между ними и связи, в данном месте опустим, оттолкнувшись в своих рассуждениях от некоторых сведений по русским этимологическим словарям. Для разбираемой задачи достаточными будут два из них, чаще других называемые, – словарь П.Я. Черных и словарь М. Фасмера. Оба содержат видящееся существенным указание на то, что первоначальным значением разбираемого корня было «остающийся, превышающий меру»⁴, «превышающий меру, чрезмерный»⁵, с последующими из этого расширениями, что отмечается автором (П.Я. Черных) в отношении древнерусского (с XI в.) и старославянского языков, однако важно, что отмечается, и с «превышающим меру» на первом месте. Выводится общеславянское *ličьъ, -а, -о : *ličьъъ, -аја, -оје от индоевропейской основы «*leik^u-s-o, с закономерным изменением на о.-с. почве ks > ch. Корень *lek^u – «оставлять», «переставать». К этому и.-е. корню восходит -лѣк- в др.-рус., отлѣкъ – остаток, совр. рус. калека. См. еще лишай, лихва, лишь. А также лишать, лишить»⁶. Данные М. Фасмера в отношении индоевропейской основы содержат аналогичные представления⁷.

Справедливости ради необходимо отметить, что *Материалы для словаря древнерусского языка* И.И. Срезневского предлагают другой порядок значений у **ЛИХИИ**: – лишенный; – излишний, бóльший; – чрезмерный, чрезвычайный; – печальный, дурной; – дурной, злой; – плохой, испорченный. Однако при лихою – избыток; изъ лиха – больше; – более, особенно; – очень, чрезвычайно⁸. *Словарь*

⁴ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка. В четырех томах*, т. II. Перевод с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. Изд. второе, стереотипное, Москва: Прогресс 1986, с. 505.

⁵ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. I. 3-е изд., стереотипное, Москва: Русский язык 1999, с. 486.

⁶ Там же.

⁷ Не противоречит этому также и то, что отмечается в *Этимологическом словаре славянских языков*: «Прежде всего необходимо указать на первоначальную адъективную форму слова, хорошо прослеживаемую и сейчас по отношениям близких форм: *lixā (см.), *lixъ (см.), *lixo. Равным образом внимательное изучение ж и в ы х и исторических значений и употреблений слов с основой *lix- помогает сориентироваться в этимологии, опираясь на семантику ‘остаточный, лишний’ (и далее, с эволюцией в сторону разных конкретных значений, напр., ‘нечетный’ или негативных употреблений, см. выше). Поэтому, если во времена Миклошича исследователи еще не могли решить проблему этимологии *lix- (ср. Miklosich 169: «Die Menge der Bedeutungen macht liňь /так у автора. – О. Т./ zu einem sehr schwierigen Thema»), уже следующее поколение ученых успешно справилось с этой проблемой и этимологически, и в плане семантической типологии, объяснив *lix- по правилу Педерсена (s > x после k) из *lik-xo- < и.-е. *leik^u-so- от *leik^u- ‘оставлять’...» (*Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, вып. 15 (*lětina – *ljoкась). Отв. ред. О.Н. Трубачев, Москва: Наука 1988, с. 91).

⁸ И.И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей 1958 (по изд. 1895-1902 гг.), т. II, стлб. 29-30.

древнерусского языка (XI-XIV вв.) содержит такой порядок: **лихыи** 1. Дурной, злой; нечестный; 2. Плохой испорченный, с изъяном; 3. Излишний, чрезмерный; 4. Лишенный чего-л.⁹

Оставим, однако, указанные расхождения без внимания, для нас будет важно то, что, согласно этимологическим замечаниям, семантика ‘остатка’ и ‘превышения меры’ воспринимается как изначальная. К этому стоит добавить разграничение в и.-е. для *lek^u, отмечаемое как ‘оставлять’ и ‘переставать’.

Если задуматься над соотношением первой пары семантических показателей, ничто не мешает предположить, что остаток может быть воспринимаем как следствие превышения меры, то, что осталось, что сверх положенного, а поэтому, далее рассуждая, и л и ш н е е. Вторая пара, исходная индоевропейская, способна предполагать оставление чего-л., воспринимаемое далее, переходящее, в прекращение (откуда ‘переставать’). Тем самым, в и.-е. отображении можно было бы говорить о заложенном в обозначаемом с помощью *lek^u- движении, в котором этот самый *lek^u- отмечает конец, прерывание – ‘оставление’ и ‘переставание’ производимого либо себя осуществляющего процесса. Из чего получалось бы, что и.-е. *lek^u- для восприятия было процессуальным, по крайней мере, могло, с наибольшей своей вероятностью, быть. В свою очередь, общеславянское *lichъ, -а, -о переводит исходное процессуальное положение в представление о мере и измерении, мерянии мерой (тавтология здесь неизбежна), при котором имеется, получается, следует нечто, что сверх, и отсюда ‘чрезмерный’, со всем тем, что из этого далее, и это с в е р х неизбежно воспринимается как ‘остаток’. И тогда это был бы уже не процесс и не следующая из процесса процессуальность, а случившийся, произошедший итог, но не всякого, а производимого кем либо чем-то процесса, и не любого возможного, но такого, который собой представляет о т м е р и в а н и е с ориентацией на какую-то норму, или шкалу – чего, по этой мере, достаточно, а что, оставаясь, будет в избытке¹⁰. Семантику подобного рода можно воспринимать как следствие (из процесса отмеривания), т.е. результатив, как хотя бы в таком примере, метонимическом в своей основе, но близком рассматриваемому: н а х о д к а от *находить*, в котором то, что найдено, или предмет-результат, не воспринимается в изначальной связи с тем, что его, фактически на него, н а - ш л и, н а - с т у п л и.

Исходя из этого изначального, но теперь уже общеславянского представления (ничто не мешает его как изначальное полагать, опираясь на этимологию), можно видеть в семантике *lichъ, -а, -о две взаимосвязанных и дополняющих одна

⁹ *Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) в десяти томах*, т. IV (изживати – моление). Гл. ред. Р.И. Аванесов, Москва: Русский язык 1991, с. 409-410. Для сохранения единообразия шрифт в источнике изменен, значения в нем даются курсивом.

¹⁰ В цитированном *Этимологическом словаре славянских языков* данное положение отмечается как первоначальная адъективность (см. сноску 7). Можно бы было добавить, что применительно к мере, остатку, остаточности.

другую части. С одной стороны, то, что, оставшись от меряния и превысив его, в соединении с мерой, с тем, что в меру вошло, составляет большее от нее, то, что сверх меры и, тем самым, чрезмерность.

И, с другой стороны, то же самое, но воспринимаемое как о с т а т о к и с этим вне того, что в меру вошло, и поэтому л и ш н е е (по отношению к вошедшему в меру).

Это лишнее, второго, скажем так, направления, или ответвления, значения, способно далее приобретать оценивающий, морализирующий, этически сопровождающий компонент. Лишнее в этом случае становится не только и не столько показателем большего, чем необходимо, с опорой на представление о нормативном (все той же меры), сколько показателем не одобряемого, воспринимаемого как непорядок (в каком-либо отношении) излишества и избытка. Из этого следует далее то, что было перед тем обозначено третьим (3) в семантической проективности для л и х о й, – вредоносность, зло, недобро, что несет в себе либо содержит порчу и зло, причиняет вред. Следовало бы добавить, если исходно, то как следствие, результат избыточности и перебора.

Что касается следующего, четвертого, направления (отчаянная смелость, храбрость, отвага, бравада; стремительность, резвость, умелость), характерного, в первую очередь, для русского и отчасти болгарского¹¹ материала, то его можно было бы выводить, исходя из третьего. То зло, недобро, что несет и содержит в себе порчу и вред, с переходом в проекцию ‘для себя’, ‘в отношении себя’ оборачивается, становится, будучи связываемо с представлением об отчаянности и риске, подверганию себя опасности (либо, возможно первоначально, кого-то другого), – в то, что и определяется вследствие этого для л и х о й как ‘удалой’, ‘бесшабашный’, ‘ухарский’ (П.Я. Черных), ‘молодецкий’, ‘хватский’, ‘бойкий’, ‘проворный’, ‘щегольской’, ‘удалой’, ‘смелый’, ‘решительный’ (В.И. Даль).

¹¹ *Болгарско-русский словарь* дает значения *лих*, *-а*, *-о* в таком порядке: 1) капризный, своенравный; 2) буйный; 3) злобный; коварный, хитрый. *Речник на българския език* on-line содержит в своем объяснении, с пометой разг., ‘опак, своенравен’, [в:] <https://www.rechnik.chitanka.info/w/лих> (05.11.2019). Болгарский этимологический словарь определяет **лих** как *нар.*, сообщая на первом месте ‘кому-то всичко е криво, всичко му е мъчно; чудноват; хитър; дяволит, лукав, зъл’ (Ботевградско) и далее ‘зъл, буен’ (Радуил, Ихтиманско), ‘прикрит, потаен’, ‘подвижен, жив’ (Радовене, Врачанско), ‘(за дете) злонавен, плачлив, нетърпим’ (Чешнегирово, Пловдивско), ‘бърз’ (Хайредин, Оряховско), ‘който има някакъв съществен недостатък – куц, сляп, къосе, сакат и пр.’ (Странджа), ‘слабоумен човек, див’ (Котел), **лихъ** ‘(за дреха) тънък’, с большим количеством производных, в том числе в диалектах, подробное определение которых мало бы что добавляло к тому, о чем перед этим и далее речь. *Български етимологичен речник*. Второ изд. Ред. Вл.Ив. Георгиев, София 2012: Академично издателство „Проф. Марин Дринов”, т. III, с. 435, [в:] https://www.ibl.bas.bg/lib/ber_3_000-808/#page/437/mode/1up (05.11.2019). См. также ссылки при данной статье, в частности Ф.П. Сороколетов, *Лексика русских народных говоров*, Москва: Наука 1966, с. 151-174; Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, *Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период)*, Москва: Наука 1965, с. 85-91 и др.

Показательно также, что это значение в двух упомянутых словарях дается как первое¹².

Переходом к данному положению, т.е. к четвертому ответвлению от третьего, может служить хотя бы такой древнерусский пример, приводимый И.И. Срезневским в его словаре для л и х о в третьем значении как наречия 'отважно, подвергаясь опасности' (первое – 'много, слишком', второе – 'худо'): «Лихо ъздиши, рать с тобою мала»¹³. Тем самым, то, о чем говорилось: 'худо', но с 'риском, опасностью для себя', переходит в семантику 'удальства и отваги'.

Видимо, небезынтесным и показательным в этой связи становится то обстоятельство, которое проявило себя в мотиве обоих фольклорных сюжетов у А.Н. Афанасьева, предполагающее, если задуматься, своеобразный, «отважный» по-своему, поскольку рискованный, вызов, заключенный в поиске «лиха себе». С в о е г о, если далее развивать эту мысль, л и х а. Лихо здесь, естественно, необходимо представить и как персонаж, и тогда отправляются оба героя на поиски «своего Лиха». В текстах сказок об этом, собственно, и говорится. Напрямую с этим же связывается и представление о персонификации Лиха, не только у восточных славян как воплощении злой доли, горя¹⁴, зла и несчастья, злых сил природы, болезней, злобной демонической силы, находящей себе удовольствие в уничтожении счастья, добра. Бродя по свету, Лихо ищет местá, где люди живут хорошо, с тем чтобы навести на них голод, нищету и болезни¹⁵. Не будем далее развивать всевозможные мифологические обстоятельства, связываемые с Лихом как с персонажем, представляемые в литературе по демонологии¹⁶, поскольку не

¹² В ТСУ, МАС, а также и БТС принято разводить значения для л и х о й, представляя их как омонимы. При этом значения для 'смелый, храбрый, удалой, молодецкий' даются с пометой разг., а 'могущий причинить вред, зло; злой'; 'полный тягот, бед и т.п.' – как нар.-поэт., обл. (ТСУ), устар. и прост., народно-поэт. (МАС), нар.-разг. и нар.-поэт. (БТС), т.е. как менее употребительные и обусловленные. Не касаясь вопросов стилистики, стоит отметить данное положение как результат семантического развития слова на почве русского языка.

¹³ И.И. Срезневский, *Материалы для словаря...*, т. II, стлб. 27.

¹⁴ *Мифы народов мира*. В двух томах, т. II. Гл. ред. С.А. Токарев, Москва: Советская энциклопедия 1982, с. 66.

¹⁵ В. і А. Podgórcy, *Wielka księga demonów polskich. Leksykon i antologia demonologii ludowej*, Katowice: Wyd. KOS2005, s. 269-270. Там же Licho определяется как образ из круга адских злых сил, воплощение трагичной судьбы и фатум (s. 271-272). См. также ссылки по поводу Licha и licha на такие работы в том же источнике: W. Gaj-Piotrowski, *Duchy i demony w wierzeniach ludowych z okolic Stalowej Woli, Rozwadowa i Tarnobrzega*, Wrocław 1993; Z. Gloger, *Encyklopedia staropolska ilustrowana*, Warszawa 1900; A. Lysko, *Duchy i duszki bojszowskie. Opowieści ludowe z Górnego Śląska*, Bojszowy 1992; T. Linkner, *Słowiańskie bogi i demony. Z rękopisu Bronisława Trentowskiego*, Gdańsk 1998.

¹⁶ В отношении *Лиха* это литература энциклопедического характера, в которой образ и персонаж данного мифологического существа представлен довольно однообразно. См., напр.: А.А. Кононенко, С.А. Кононенко, *Персонажи славянской мифологии*, Киев: Корсар 1993, с. 208; У.І. Коваль, *Народныя ўяўленні, навер'і і прыкметы: даведнік па ўсходнеславянскай мифалогіі*, Гомель 1995, с. 33; В. і А. Podgórcy, *Encyklopedia demonów. Diabły, diabelki, jędze, skrzaty, boginki...*

в этом наша задача, отметим лишь важное для последующих рассуждений положение о связи, с одной стороны, и воплощении, с другой, Лиха в отношении Доли, но как Недоли и злой судьбы, т.е. доли в ее негативном аспекте.

Подобный аспект непосредственно связывается с тем семантическим представлением, о котором ранее была речь применительно к мере и мерянию. Доля, с одной стороны, как часть, наделение, то, что ждет человека, и то, что приписывается ему, чем он наделяется при рождении, что ему, по судьбе его, полагается и надлежит. Находим подобное представление не только в семантике слова (ср. у Даля: д о л я – часть, дробь, участок, пай, надел; жребий, участь, судьба, рок), но и в происхождении: праслав. **dol'a* этимологически связано с **děliti, naděl'ati*¹⁷. С указанием далее в том же источнике, что известно оно лишь восточным и части западнославянских языков: ср. польск. d o l a, n i e d o l a в тех же значениях. В других славянских корень можно встретить в словах подобных русскому о д о л е т ь: ст.-сл. одолѣти, словен. *odolēti, odolim*, болг. (редк.) *одолея, одолявам*, с.-хорв. *одълети*, чеш. *odolati, udolati, zdolati*.

И та же Доля, с другой стороны, как «индивидуальная или совокупная судьба, жизненное предопределение, назначенная участь, удел, жребий, реализованные как удача (удачливость), счастье, благополучие, «талан» или, напротив, невезение, обделенность, бесталанность»¹⁸, связываясь в этом аспекте своим с *Недолей, Горем-Злосчастьем, Лихом*, у сербов *Срећа, Несрећа*¹⁹ (того же корня, что и *срѣтати, срѣсти, сӯсрет* 'встреча'). Напрямую отсюда с Лихом, Долей, Недолей мифологически можно встретиться, и это то, что встречаются, равно как пойти искать (по сюжетам у Афанасьева). Так же как Лихо и Доля-Недоля, Горе-Злосчастье – в свою очередь, сами ходят и ищут.

i wiele innych, Wrocław: Astrum 2000, s. 224-226; А.А. Бычков, *Энциклопедия языческих богов. Мифы древних славян*, Москва: Вече 2001, с. 167; *Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80-90-х годов XX века*, т. III: *Мифологизация явлений и человеческих состояний*. Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская, Москва: Языки славянской культуры 2016, с. 231 (*лихо* здесь, впрочем, выступает не как персонаж). В работе Н.А. Криничной, *Русская мифология. Мир образов фольклора* (Москва: Академический проект Гаудеамус 2004) *лихо, лихой* фигурирует как злой дух, домовый (если не относить к нему *лихорадок*).

¹⁷ *Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах*, т. 2. Отв. ред. С.М. Толстая, Москва: Международные отношения 1999, с. 113.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Прямо указывают на это и Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров в *Мифах народов мира: «Другое персонифицированное воплощение счастья – встреча (др.-рус. устрѣча), противопоставляемая невстрече (Срећа и Несрећа в сербской народной поэзии)»*. (т. I, с. 391). См. также статью в этой связи о Доле Е.Е. Левкиевской в *Славянской мифологии. (Энциклопедический словарь*. Изд. 2-е, исправл. и доп. Москва: Международные отношения 2002, с. 141-142) и Ее же о Доле 2, как персонификации индивидуальной судьбы, в *Славянских древностях...*, т. 2, с. 114-116. Важные замечания о Доле 1, как жизненном предопределении, а также ценностной категории, в том числе с упоминанием Лиха, представлением этимологических связей, отбирании, компенсаторности и т.п., в том же источнике дает А.Ф. Журавлев (с. 113-114).

Движение это, или, если точнее, передвижение, несостояние на месте, можно интерпретировать в его семантике как процесс, косвенно или прямо соотносимый с отмериванием, измерением, мерянием, приложением меры, которая не исключено, что способна меняться, примеряясь, прикладываясь всякий раз в зависимости от случая, от стечения обстоятельств, от того положения, которое актуализировано к произошедшей, осуществившейся встрече. В данном месте и в данный момент. Тем самым, если развить подобное представление, то, с одной стороны, эту меру можно, отправляясь на поиски, встретив, узнать. Равно как, с другой стороны, если не изменить (но, возможно, что и изменить, пожертвовав чем-либо, что-то отдав взамен), то, в зависимости от каких-нибудь времени и обстоятельств, получить в каком-то ином выражении. Из чего получалось бы, что характеризующая мера подвижна, во всяком случае может быть таковой. Впрочем, не будем настаивать на подобной интерпретации, так же как и отмеченное в данной связи развивать. Важно отметить, что наряду с доброй Долей «как персонификацией счастья в мифологических и позднейших фольклорных текстах выступают злая (несчастливая, лихая) Д., недоля, лихо, горе, злосчастье, беда, нуж(д)а, бесталаница, кручина, несчастье»²⁰.

Тем самым, для интересующего нас вопроса, если Доля может быть доброй и злой, соотносясь в этом своем втором проявлении с Недолей, то в том же втором своем проявлении она соотносится с Лихом, которое добрым уже быть не может. Однако не мифологический и в этой связи историко-философский аспект представления привлекает наше внимание, равно как и то, в каком отношении фаталистично и неизбежно предположение о Доле как мере либо не фаталистично и изменяемо. Ср. в связи с этим такое же соотношение греч. Μοῖρα, мн. Μοῖραι (богини судьбы), μοῖρα букв. ‘часть’, ‘доля’, отсюда ‘участь’, которую получает каждый при рождении и которую изменить нельзя, и μέρος того же корня ‘часть’, ‘доля’, ‘отделение’. Интересует нас то, что было определено перед этим на основе этимологических сведений в отношении *lich- как избытка, остатка, излишка при предполагаемом «отмеривании», с индоевропейским первоначальным значением оставления и переставания-прекращения.

Из этого получалось бы, что несчастная доля в отмеривании и наделении, отделении²¹ определялась бы в том, что *lich-, оставаясь в надмерности как избыток, излишек, большее (чем бы следовало и что бы стоило), – лишнее,

²⁰ Мифы народов мира..., т. I, с. 391.

²¹ А.Г. Преображенский связывает рус. доля и с этим -дѣль у делить с индоевропейским корнем *del-, *dol, *doil- ‘раскалывать’, ‘разрывать’. См.: А.Г. Преображенский, *Этимологический словарь русского языка*, т. I, Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей 1959 (репродуцировано с вып. 1910-1914 гг.), с. 190 и 208. Указывает на это и А.Ф. Журавлев, отмечая, что «Слово доля (праслав. *dol’a этимологически связано с *dēliti, *naděl’ati) известно лишь восточным и части з.-слав. языков», определяя далее тесную связь с представлением доли о мере, «отмеренности, наделенности тем или иным свойством в необходимом объеме». (*Славянские древности...*, т. 2, с. 114-116).

оборачивающееся в таком аспекте своем в лишение и лишнее. То, что лишнее, а, может, точнее было бы, тот, кто *лишний* при разделении, наделении и отделении, есть *лишенный*, *лишенец*, поскольку лишено того, что другим причиталось. Ему не досталось доли, той, что связывается с добром, лих и лихо досталось, как остаток, оставшееся после отмеривания и разделения.

Видимо, с этим внутренним, скажем так, представлением, поскольку не осознаваемым и не явным, связывается то компенсирующее или же заместительное отображение в необходимости оставления, своего рода пожертвования, правой руки, во избежание большего зла и ущерба, в желании избежать, уйти от Лиха и причиняемого им вреда. Не случайным в этой связи представляется равным образом и как то, что Лихо слепое или, по более распространенной версии, одноглазое, и как то, что в сербохорватском *liх, liха, liхо*, словенском *lih, liha, liho*, чешском *lichý, lichá, liché* имеет значением 'непарный', 'нечетный'²², в словацком *lichý, lichá, liché* 'пустой', 'нечетный', в польском *lichy* – 'беда', 'зло', а также 'нечет'²³, в верхнелужицком *lichy, licha, liche* – 'голый', 'пустой', 'даровой', 'вольный', в нижнелужицком *lichy*, в свою очередь, 'холостой'. Лихо, в этой связи, проявляет себя в подобного рода славянских значениях как отсутствующие пары, непарность, неполнота, некомплектность, зияние – в том месте, где должно быть такое же парное либо что-то для целостности еще. Отсюда, по видимому, мотив пожирания, поглощения, отдаления, отбирания и отрывания (при встрече правой руки как недостающего изначально и требуемого «куска»). Ср. первоначальное индоевропейское значение корня *del-, согласно с этимологией, для деления долей, 'раскалывать', 'разрывать' и для *lek^u- в *lich*, к которому восходит *-льк-*с др.-рус. о т ъ л ѣ к ѣ – 'остаток' и современным рус. *калека*, а также *лишай, лихва, лишь* и сюда же *лишать, лишить*.

Наблюдая мифологически себя воплощающие отображения и связи семантики, о которой речь, мотив, может не столько лишения (хотя лишения²⁴ также),

²² Интересно, что в белорусском значение нечета представлено как 2-е и разг. у слова *лішк* а (при 1-м 'излишек, лишнее'), для *ліхі*, так же, впрочем, как и в укр. *лихий*, такое значение не фиксируется.

²³ О чете и нечете, а также правом и левом, в том числе в отношении к мифологии и культуре, см. известную работу Вяч.Вс. Иванова, *Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем*, Москва: Советское радио 1978. Применительно к славянской мифологии о четном как благоприятном и нечетном как неблагоприятном в противопоставлении: «Несчастливые нечётные числа, половина, дефектность характеризуют отрицательные понятия и персонажи, например число тринадцать, лихо одноглазое» (выделено мною – П. Ч.) в *Мифах народов мира...* (т. II, с. 452), авторы статьи Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров, а также в их же работе: *Славянские языковые моделирующие семиотические системы...*, с. 85-91.

²⁴ О семантике лишения, необладания, находящей свое отображение в языке и в связи с этим как о языковой и семантической категории (лишительности, каритивности, "недостачи") см., прежде всего, работы Вяч.Вс. Иванова: *Категория лишительности в языках евразийского языкового союза*, [в:] *Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании*.

сколько замещения с подменой и отбирания при обойденности можно увидеть в известном по сказкам сюжете о не приглашенной, тринадцатой, фее, бросающей заклинание новорожденной принцессе с предсказанием смерти. В связи с разбираемым предметом существенным видится то, что, чувствуя себя обойденной, фея действует подобно славянскому Лиху, приходя незванной сама и насылая при этом смерть. Говоря о мотиве связанного с этим лишения и выводя его в аспектуальность возможных значений, можно вывести такой развивающийся в своей моделирующей последовательности порядок: от первоначального (1) 'не дано' (при делении-разделении, отмеривании и с этим лишением) через (2) 'обойдено', (3) 'обделено', (4) 'не додано' к (5) 'отобрано'. Обойденность при приглашении и затем угощении (в одном из сюжетов тринадцатую фею не приглашают, поскольку на нее не хватает, всего только двенадцать, золотых блюд), – обойденность эта (2 и 3) при разделении компенсируется ею самой, по ее пониманию справедливости, в представлении мера за меру, тем, что будет 'отобрано' (5), как конечная точка, вершина, представленного при ненаделении и, тем самым, лишении положенного порядка. Нарушенное не приглашением равновесие, тем самым, оказывается восстановленным.

Не вдаваясь в мифологические и фольклорно-сказочные концептуальные связи и соотношения в контексте обозначенных проявлений семантики разбираемого общеславянского корня, зададимся вопросом о возможных ее направлениях и формах, опираясь на данные выбранных языков. Первое, на что следовало бы обратить внимание, это на то, исчерпываются ли эти основные, скажем так, проявления (поскольку взятые из словарей, отражающих общеупотребительное и литературное, нормативное, не диалектное, состояние) теми четырьмя ответвлениями, которые в своих соотношениях были показаны в самом начале – в избытке (1), недостатке (2), вредоносности (3) и молодечности (4). Вторым разрешением было бы вероятное представление о том, в какую сторону и как развивают все те же значения в виде «форм» четырех основных

Отв. ред. Т.Н. Молошная, Москва 1993, с. 80-81; Его же, *Типология лишительности (каритивности)*, [в:] *Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках*. Отв. ред. Вяч.Вс. Иванов, Т.Н. Молошная, Москва: Индрик 1995, с. 5-59; а также А.И. Коваль, *Семантическая категория каритивности в лексиконе и тексте пулар-фульфульде*, [в:] *Африканский сборник – 2009*. Отв. ред. В.Ф. Выдрин, Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург) 2009, с. 194-203; А.С. Боханова, *Категория лишительности в исторической перспективе*, [в:] *В мире науки и искусства. Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии*, Новосибирск: СибАК 2014, [в:] <https://www.sibac.info/conf/philolog/x1#article> (05.11.2019). Как отмечает Вяч.Вс. Иванов, если «в некоторых языках и языковых зонах (союзах)» названная категория «находит регулярное грамматическое выражение», то «в праславянском и его диалектах, выражается словообразовательными средствами». (Вяч.Вс. Иванов, *Типология лишительности...*, с. 5) Как семантическую группу (модель) для *сухой, пресный, пустой* на славянском материале исследует названную категорию С.М. Толстая, *Семантическая модель каритивности*, [в:] Её же, *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*, Москва: Индрик 2008, с. 50-98.

направлений семантику внутреннего их ядра, в отношении каждого. И, наконец, третье сводилось бы к установлению возможного семантического дериватива (или не дериватива), как проецирующего в своем развитии и расхождении действия, свойственного для разбираемого корня. В этом третьем следует видеть тот семантический для *lich-* потенциал, который находит, поскольку нашел уже, выражение в своих производных, в том числе и словообразовательных, по крайней мере некоторых из них. Поскольку этих последних, как показали источники, особенно если учитывать образования с их значениями по диалектам, количество очень значительное, постараемся, исходя из мысли об ответвлениях (что и было причиной данного поворота), представить сказанное на ограниченном материале.

Оттолкнемся в своих рассуждениях от чего-то наглядного, целостно общего и обозримого, с тем чтобы далее на полученной в результате основе попытаться увидеть и вывести то, что, в эту основу не вписываясь, распространяет ее в каком-либо отношении. Удачным для этого мог бы быть материал древнерусского языка, представленный у И.И. Срезневского, как, с одной стороны, не вполне современный и поэтому не усеченный, а с другой, на основе письменных памятников, если не литературного, то все же книжного языка, с включением в этот контекст материала из старославянского, т.е., по крайней мере отчасти, в некоторой двуязычной ретроспективе. В порядке подачи таковыми словами в их семантике были бы следующие (в целях единообразия слова будут даваться курсивом, их значения в одинарных кавычках через точку с запятой, без иллюстративных примеров для краткости): *лихва* – ‘лихва’, ‘рост’, ‘процент’; *лиховати*, *лихвю* – ‘обижать’; ‘давать в рост’; *лиховати*, *лихню*, *лихновение* – ‘излишество’; ‘преступление’; *властное лихновение* (злоупотребление власти); *лихновица* – ‘избыток’; ‘превосходство’, ‘преимущество’; ‘распутство’; *лихновьюк* (ὕπερβολή ‘избыток’, ‘преувеличение’); *лихновць* – ‘дьявол’; *лихняти*, *лихнѣ* – ‘превзойти’; ‘преступить’, ‘согрешить’; *лихо* – ‘зло’; *лихо* – ‘много’, ‘слишком’; ‘худо’; ‘отважно’, ‘подвергаясь опасности’; *лихованикъ* (?); *лиховати*, *лихю* и *лиховаю* – ‘лишать’; ‘обидеть’; *лиховатися* – ‘лишаться’, ‘бедствовать’; *лиховьзмати*?; *лиховьница* – ‘преимущество’; *лихоглаголение* (без подачи значения, но с такой иллюстрацией: Лихоглание же естъ еже просити оу Ба̄ ба̄тства.); *лиходѣи*; *лиходѣльница*; *лихоимание* (все три без подачи значений); *лихоиманьникъ* – ‘лихоимец’; *лихоимъ* – ‘обилующий’, ‘богатый’; *лихоимие* (πλεονεξία 1) ‘излишек’, ‘изобилие’; ‘выгода’, ‘преимущество’, ‘превосходство’; 2) ‘жадность’, ‘корыстолюбие’, ‘своекорыстие’; 3) ‘обман’, ‘надувательство’; судя по приведенному примеру, скорее, ‘корыстолюбие’: Лихоимье, еже естъ идолослужение); *лихоимьчьнии* (Лихоимьчьноу ноужоу творить – ‘притеснять лихоимством’); *лихоимьникъ* – ‘лихоимец’; *лихоимство* (πλεονεξία); *лихоимць* ((πλεονέκτης ‘желающий иметь больше’, ‘жадный’, ‘корыстолюбивый’; ‘своекорыстный’, ‘эгоистичный’); *лихоимьние*; *лихомѣдри*; *лихомъ?* – ‘лишен’, *лихомѣрньнии* (‘чрезмерный’, судя по примеру: Оусърдоую ты и люблю, лихомѣрнаго смѣрения ради твоего); *лихопитие* (Винною бо лихопитие...); *лихорѣчие* (ὕπερβολή ‘избыток’, ‘преувеличение’); *лихословесие*

(βαττολόγια ‘взор’, ‘болтовня’); *лихословіе* (βαττολόγια); *лихосытиє* (πλησμονή ‘пресыщение’), *лихотькъ* (...чловѣколюбства лихотькъ дади пиштѣ всеси плъти – ‘текущее изобилие?’), *лихоть* – ‘неравенство’, *в лихоть* – ‘излишне’; *лихотьныи* – ‘беспорядочный’, ‘беспутный’; *лихоудение* (χορτασία ‘многоядение?’); *лихоудие* – ‘прожорливость’; *лихьи* – ‘лишенный’, ‘излишний’, ‘большой’, ‘чрезмерный’, ‘чрезвычайный’, ‘печальный’, ‘дурной’, ‘дурной’, ‘злой’, ‘плохой’, ‘испорченный’; *лихоє* – ‘избыток’; *изъ лиха* – ‘больше’, ‘более’, ‘особенно’, ‘очень’, ‘чрезвычайно’; *из лихаго* (‘излишне’); *лихоє има* (страха, ужаса, а также трепета и восторга, судя по примечанию); *лихо сердце держати*; *лихьи* – прозвание – Азъ попь Оупирь Лихьи; *лишати*, *лишаю* – ‘лишать’, ‘пропускать’; *лишатися* – ‘быть лишаемым’, ‘терять’, ‘нуждаться’, ‘оставлять’, ‘отказываться’, ‘вредить себе’; *лише* – ‘больше’, ‘кроме’, ‘только’; *лишение* – ‘нужда’, ‘бедность’; *лишеникъ* – ‘несчастный’, ‘злочинец’; *лишеница* – ‘несчастливая’; *лишении* – ‘нуждающийся’, ‘низкий’, ‘несчастный’, ‘бессильный’; *лишити*, *лишиѣ* – ‘лишить’, ‘отставить от должности’; *лишитися* – ‘лишиться’, ‘быть лишенным’, ‘отказаться’, ‘оставить’, ‘пропустить’; *лишьвьникъ* = *лишевьникъ* = *лишевьникъ* – ‘лихоимец’; *лишьвьныи* = *лишевьныи* (примышление лишвьнюю ‘лихоимство’); *лишьнии* (Аже ты, княжо, лишнее емлешь..., w(т) ложи лишнее и всаку неправду...).

Как следует из приведенных примеров, корень *lich-* и его производные для древнерусского языка, будучи весьма продуктивны, дают все то же себя уже проявившее представление об избытке, чрезмерности, с преступлением далее черты, определяющей воображение о норме, о том, что следует и как должно быть. Иными словами, как ранее уже отмечалось, от меры в физическом и материальном ее выражении осуществляется переход к понятию меры в этическом, нравственном и регулирующем смысле. Можно было бы отразить это в виде распространяющихся, расходящихся применительно к разным проекциям ответвлений и форм.

Не задумываясь особенно и идя по порядку, идея лихвы, того, что дается с процентом и в рост, с заложенным предположением об увеличении, определяясь с позиции не дающего, а берущего, того, кому сумма ссужается в рост, приобретает характер оценочно-морализирующий. Возникает нравственный аспект измерения, позиция и оценка морально-нравственной меры. И тогда с этим следует ‘обижать’, отбирать у кого-либо большее и его собственное, то, что не было ссужено, но что вследствие несправедливого по сути своей уговора, использующего положение нуждающегося, с течением времени ‘наросло’. Опираясь на данное и подобные ему представления с распространением, развитием и переходами от одного к чему-то другому и с этим последующему, можно было бы вывести для древнерусского материала такую какую-то схему по линиям (с опущением семантически повторяющихся позиций):

A2 (n+1) наращенія: ‘процент’ – ‘рост’ (‘лихва’) – ‘обижать’ (давая в рост);

B2 (n+1) морального перебора: а) ‘излишество’ – ‘преступление’ / ‘сог-решить’;

б) 'излишество' – 'злоупотребление власти';

в) 'излишество' – 'распутство' / 'согрешить' / 'пресыщение' (+ в речах, в еде и питье);

г) 'лишать' / 'обидеть' / 'пропускать';

(а – излишество социального проявления; б – власти; в – поведения; г – отношения к ближнему)

A1 (n+1) большей меры: а) 'много' / 'изобилие' / 'больше' – 'слишком', 'кроме' / 'только' / 'избыток' / 'излишне' – 'преувеличение' – 'чрезвычайный';

б) /'превзойти'/ – 'превосходство' – 'преимущество' / 'неравенство';

в) 'лишаться' / 'лишенный' / 'терять' – 'нуждаться' – 'бедствовать' / 'нужда', 'бедность' – 'несчастный' / 'бессильный' // 'оставлять' – 'отказываться' – 'вредить себе';

г) *лихоглаголение*²⁵;

д) 'обилующий' / 'богатый' – 'корыстолюбивый';

(а – большей меры наличия; б – большей меры сравнения; в – большей меры отсутствия; г – большей меры требования себе; д – большей меры обладания, владения)

B1 (n+1) вредоносной силы: 'худо' / 'зло' / 'дурной', 'плохой' – 'дьявол';

причинения зла: 'лиходей' / 'лихоимец' / 'злой' / 'злочинец';

от причинения зла: 'печальный' / 'дурной' / 'испорченный';

В (n+1) проявления силы характера: 'отважно' – 'подвергаясь опасности'.

Соотношения, с одной стороны, между А и Б (A1 / A2, B1 / B2), семантически связанные и близкие²⁶, с переходом, развитием к В, равно как и в то же время, с другой, проекции общего смысла к тому, что было бы плоскостью проявления, всякий раз представления о мере, в обозначенном малыми буквами (а, б, в, г, д) для ряда позиций, – все это позволяло бы говорить о расширении, распространении некоего исходного положения применительно к той либо иной определяемой, характеризваемой данности. Пользуясь понятиями логической семантики, следовало бы говорить о том, что некая понятийно-исходная интенциональность, прилагаясь к объему понятия, переходя на него, расширяясь и распространяясь в нем как в экстенсionale, порождает связываемые различия в значениях, выражаясь лексически в слове. Отметив данное важное положение, в силу ограниченности объема мы не способны его развивать, оставляя многое из того, что имеет прямое и важное отношение к предмету не проговоренным.

Наметим, однако, еще один также важный путь рассмотрения, прежде чем подойти к заключению. То, что связывается, с одной стороны, с семантическими

²⁵ *Словарь древнерусского языка...* толкует значение этого слова как 'недостойная просьба (в молитве)', а *лихоглаголити* – как 'произносить длинные, бессмысленные молитвы' (т. IV, с. 407).

²⁶ Объяснение характера и вида связи, равно как и переходов к последующему, имело бы несомненный смысл для рассматриваемого вопроса, однако потребовало бы довольно пространственных и обстоятельных рассуждений, что заняло бы немало места, поэтому мы их лишь обозначим для иллюстрации, не развивая.

проекциями разбираемого корня и его производных в говорах, т.е. не письменном и меняющимися в своей ареальной подвижности языка, но при этом общего, хотя и условно. И то, что связывается, с другой своей стороны, впрочем, отчасти похожей на первую, с проекциями того же корня по языкам славянского происхождения, обусловленным в своих проявлениях как ареально, так и не ареально.

В связи с тем и другим возможно поставить, впрочем неясно, решаемый ли, вопрос о том, в силу каких причин происходит такое, а не другое какое-то семантическое развитие корня. На одном только примере, наглядно, но не основательно, – чем обусловлено, скажем, то, что *lich-* как *лихой* в адъективной форме для русского в качестве первого и основного значения получил в результате развития смыслом ‘удалой, молодецкий, бравый’, и подтверждение этому можно увидеть у Даля (XIX век). В то время как в древнерусском (XI–XIV вв.) ведущими смыслами, можно, скорее всего, считать ‘излишний, больший’, ‘чрезмерный, чрезвычайный’, ‘лишенный’, без упоминания этого первого. Для польского таким первым значением было бы ‘бедный, убогий; плохой, дрянной’. Для сербохорватского, словенского, чешского – ‘непарный, нечетный’, для словацкого – ‘нечетный, пустой’, а для болгарского – ‘капризный, своенравный’; а затем уже ‘буйный’ и ‘злой, коварный, хитрый’. К этому также свои развития в говорах каждого языка. С немаловажным для определяемого смысла, напр., у П.Я. Черных, замечанием для *лишать* при наличии укр., болг., с.-хорв. польск. устар. соответствий, о том, что «Вообще слово характерно гл. обр. для русского языка»²⁷. И к этому *лишь*, укр. *лише́*, *лиш*, с замечанием «В других слав. яз. отс.[утствует]»²⁸.

Материал *Словаря русских народных говоров*, в котором интересующий нас корень с его производными при одном только *лих-* без других его производных занимает обширное место (с. 75–84)²⁹, дает представление, может, не столько о множестве всех этих значений, сводимых, в принципе, в определенные моделирующие виды и формы, связываемые между собой по типу, показанному на примерах из словаря И.И. Срезневского; не столько также о вероятных образованиях, которых немало множество (*лихоть*, *лихотина*, *лихотища*, *лихотка*, *лихотить*, *лихотиться*, *лихотек*, *лихотца*, *лихоцербный*, *лихостный*, *лихосон*, *лихоставать*, *лихоститься*, *лихонь*, *лихонить*, *лихоман*, *лихоманник*, *лиходук* – лишь малая часть их, с различиями в ряде слов в ударениях), – сколько о допустимых и вероятных экстенциональных, по своему существу, проекциях некоего, видящегося общим исходно интенционального смысла, развившегося далее также как интенционал.

Покажем это на одном только примере. Возьмем *лихой* из этого словаря (иллюстрации и справочные указания опустим). «**1. ЛИХО́Й**. 1. Острый, резкий,

²⁷ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь...*, т. I, с. 487.

²⁸ Там же.

²⁹ *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф.П. Филин. Ред. Ф.П. Сороколетов, вып. 17, Ленинград: Наука, Ленинградское отделение 1981.

крепкий (о пряностях, приправах, хмельных напитках). 2. Неприятный на вкус, по запаху; тошнотворный. 3. Строгий, взыскательный. 4. В сочетаниях типа *Лихá беда*. Злое несчастье. *Лихáя (лихá) болезнь* а) Хроническая, продолжительная болезнь. б) Болезнь лихорадка. в) Падучая младенческая болезнь. <<Черная немочь>>. г) Бранное выражение. д) Дьявольская сила». И др. подобные сочетания. «**2. ЛИХОЙ**. 1. В суеверных представлениях – нечистая сила, домовый, злой дух. 2. Враг, зложелатель. 3. Бедный, неимущий человек. 4. Хорошо осведомленный в различных вопросах человек». «**3. ЛИХОЙ**. 1. Гнойный нарыв, чирей. 2. Кожная болезнь, раны, причиненные домовым, злым духом. 3. Болезнь ногтоеда. 4. Кожная болезнь у лошадей, вид сапа, с опуханием ног и шеи, покрывающихся гнойными желваками»³⁰.

Вполне понятно, что в говорах слово л и х о й могло и может встречаться также и в общепотребительном смысле, который диалектные словари, как правило, не отмечают. Если вспомнить тот материал, который был представлен в этимологическом словаре болгарского языка для народных говоров ('кому все не так, кому все докучает'; 'со странностями'; 'хитрый'; 'лукавый', 'злой'; 'буйный'; 'таинственный'; 'подвижный, живой' и т.п.), то там ситуация выглядела бы иначе, что могло бы составить проблему для рассмотрения. В первую очередь, с точки зрения ветвей и форм развития общих и расходящихся смыслов, как по отдельным славянским языкам в сопоставлении, так и в различных их говорах, с установлением направлений смыслового движения. Тема, требующая подробного и разностороннего изучения.

Возвращаясь к значениям слова л и х о й в *Словаре русских народных говоров*, лишь обозначим указанную перед этим особенность в отношении экстенциональных проекций семантики разбираемого корня. Первую группу составили бы проявления исходного интенционального смысла 'превышающий меру, чрезмерный' для экстенционального *в чем* в отношении вида физического воздействия – для ощущения на вкус ('острый, крепкий, резкий'), с переходом далее к концептуализирующему, обобщающему, расширению ('неприятный на вкус и/или по запаху') и возможным последствиям из его неприятности ('вызывающий тошноту'). Из чего получалась бы конкретизация, с одной стороны (для ощущения вкуса), из которой далее развивалась бы, с другой своей стороны, концептуализация, но применительно к сенсуальности вкуса и запаха.

Вторую группу представляли бы экстенциональные проявления для чрезмерности в отношении человеческого поведения и характера ('строгий, взыскательный'). Третью тогда – в отношении отмеченной ранее лишенности ('бедный, неимущий человек'). Четвертую – то, что либо тот, кто вредит, доставляя, тем самым, переживания, потери, утраты. И это была бы группа, представленная наибольшим числом, физического и не только физического воздействия, соотносимая по этому признаку с первой, но отличающаяся от нее в своей 'чрезмерности' в отношении вреда и не только для ощущения вкуса и/или запаха.

³⁰ Там же, с. 78-79.

В эту группу входили бы как обозначения болезней, с одной стороны (в мифологии и народных представлениях персонифицируемые), так и подобные им "персонификации" мифологического ('дьявольская, нечистая сила', 'злой дух', 'домовой') и не одного только мифологического характера ('враг, зложелатель'), с другой. В связи с чем и проекции к вкусу и запаху, не наблюдаемые, невидимые, летучие, неуловимые, не случайными представляются в том же, нечистой силы, злого духа и дьявольского наваждения, ряду.

Общим для трех из выделенных проявлений – а) сенсуальности вкуса и запаха, б) поведения и характера, в) причинения порчи-вреда, – составляло бы воздействие на субъекта как на того, кто его испытывает, переживает, т.е. субъектно-адресативное по своему воплощению. В отношении четвертого, для лишенности ('бедный, неимущий человек'), также следовало бы говорить о воздействии на субъекта, но субъекта другого, как третье лицо. И это было бы объектно-субъектное проявление, что, как и адресативно-субъектное, рассматривать следует в понятийных проекциях экстенционала.

Пятую, по внешнему виду особую, группу, поскольку не воздействующего субъектно-адресативного или объектно-субъектного проявления, составило бы значение 'хорошо осведомленный в различных вопросах человек', что видится соотносимым с семантикой позитивно воспринимаемой лихости как 'умения, смелости, удалства'. Это была бы форма, связываемая не с переживанием или испытыванием воздействия в его 'чрезмерности' в отношении *чего-либо* на себе, но с агентивным проявлением со стороны субъекта все того же воздействия в его когнитивно определяемой 'чрезмерности' (поскольку речь о хорошей осведомленности) для различных вопросов, – в совокупной множественности акционально определяемых проявлений.

Грамматические по своему характеру параметральные определения – субъекта, объекта, адресативности, акциональности, совокупности, множественности и т. п., – наблюдаясь в проекциях характеризуемых направлений смысла, о котором речь, видятся не случайными и, составляя сущностную природу исследуемого предмета (не об одном только *lich-* в данном случае следует говорить), могут составить, при обстоятельном изучении, средства для выявления и описания, возможно, что закономерных и определяемых как системные связи. На этой основе видится не исключенным также и представление, по фрагментам значений, о действии характерного для славянского семантического ареала какого-то общего способа концептуализации (если таковой себя обнаружит), а также ее частных способов и их видов. Возможно также, что для проекции разного типа в их интенциональном исходе корней.

В отношении разбираемого корня *lich-* таким исходным по своему характеру интенционалом можно считать, опираясь на проанализированный материал, то представление о превышении меры, чрезмерности, которое связывается, являясь либо следствием, либо, напротив, проекцией некоей остаточности, того, что остается, осталось при мерянии, делении, разделении, наделении. Мера, меряние, отмеривание, в концептологическом своем отражении, связываются с двумя,

находящимися в отношениях логического дополнения, проявлениями – тем, что, развивая идею чрезмерности и с ней сопряженной остаточности, переходит далее, подвергаясь оценке, в том числе и морально-нравственной, приобретая значимость, эвалуируясь, в то, с одной стороны, что воспринимается как исключительное и исключительность, и в то, с другой своей стороны, что воспринимается как исключенность и исключенное. Как ‘исключительный’ и ‘исключенный’ для той концептуальной и семантической категории, которую можно определять в понятиях эксклюсива, существенной, в том числе и в аксиологическом, ценностном и оценивающем отношении, не только для мифологического сознания, себя отразившего и в языке.

Возвращаясь к мысли о мифологическом отображении бинарной дополнителности ‘исключительности исключенного’ эксклюсива в Лихо как персонаже славянских повествований (с этого начиналась статья), можно было бы, не исторически, а логически и концептуально представить себе такую картину, не противоречащую по духу известным из многих традиций мотивам. Бог-создатель и созидатель, при установлении миропорядка, ‘делящий’, ‘наделяющей долей’, одаривающий и дающий (*дать / давать – создавать – созидать*), тот, кто ‘делит’, ‘долит’, с этим связано *одолевать*, для славян воплощенная Доля³¹, согласно известным по самым разным мифологиям сюжетам, изначально, исходно, всех людей, животных, народы, и не только их, наделял, кому что давая и предназначая. Кому что досталось, кто что получил, и кому что осталось, остаток, остаточность и, возможно, при этом недоля и недостаток. Персонифицируемая идея деления, отмеривания и распределения, из чего далее определялся оцениваемый, характеризуемый, в понятиях ценностей и оценки, исходно природный, от Бога, Богом данный, характер.

В этом контексте мифологического изначального разделения и распределения, давания и придавания, как не противоречащую мифологической логике, применительно к семантике корня, метафоризацию, Л и х о можно воспринимать как того или то, кому (чему) при таком наделении было исходно недодано (мотив обойденной феи как мстительной, мстящей, в отместку и в замещение, силы). Не досталось ему, при чрезмерности его способностей, объема, величины, а возможно, и требований, того, на что рассчитывало, что желало себе получить, одноглазое или слепое, согласно еще одной версии, исходно не видящее, равно как и ослепляемое после по сказочному сюжету (572) у А.Н. Афанасьева естество. Здесь и мотив великанов, циклопов, в лице ослепленного Полифема, пожирателей и преследователей людей, как нарушенной в сторону большего меры и, тем самым, порядка в его соразмерности и природного равновесия. И мотив

³¹ «...первоначально само слово *бог* имело значение „доля”». (*Мифы народов мира...*, т. I, с. 391) «Богъ можетъ собств. значить часть, доля, счастье, а потомъ – божество. По крайней мѣрѣ ясно, что производными от Богъ предполагается зн. части, счастья, а не Бога». А.А. Потебня, *О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ*, [в:] А.А. Потебня, *О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзи*. Второе издание, Харьков: Издание М.В. Потебня 1914, с. 189.

завистного ангела, мифологически равного демиургу, ставшего дьяволом и сатаной, падшего, но не потерявшего своей власти и силы над человеком как земным существом.

С этим, в такой своей совокупности, связывается неуспокоенность Лиха³², состоящая в неустанном его по свету брожении в поисках тех, кому хорошо, кто в достатке и у кого поэтому можно отнять, кого можно лишить, в компенсаторно-завистливой мстительности, пусть не в свою пользу, как в прорву, а лишь бы забрать (мотив поглощающей пропасти и деструктивной дыры³³). В свою очередь, Доля, как персонификация наделения и придавания, соотносится, парно и дополнительно, с остатком и недостатком, с тем, что и кому недодано, кому не хватило, в такой же персонификации Лиха, как обойденного и потому лишенного при наделении. Далее с этим связывается противоположение чета и нечета, парного и непарного, непарного и нечетного как того, что неполно, которому недостает. Концептологически, как уже отмечалось, данное положение как исходное можно воспринимать применительно к изначальной семантической форме славянского корня, о котором шла речь. Той форме, которая, развиваясь и переходя на различные по своему характеру интенциональные и экстенциональные отражения, получила свое выражение в значениях как семантических, так и словообразовательных дериватов по языкам и их говорам.

References

- Bernshteyn S.B., *Bolgarsko-russkiy slovar'*. Izd. 3-e, stereotipnoye, Moskva: Russkiy yazyk, 1986.
- Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Gl. red. S.A. Kuznetsov (BTS), Sankt-Peterburg: Norint, 2000.
- Bokhanova A.S., *Kategoriya lishitel'nosti v istoricheskoy perspektive*, [v:] *V mire nauki i iskusstva. Voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*, Novosibirsk: SibAK, 2014, [v:] <https://www.sibac.info/conf/philolog/xl#article>.
- Bŭlgarski etimologichen rechnik*. Vtoro izd. Red. VI.Iv. Georgiev, Sofie 2012: Akademichno izdatelstvo "Prof. Marin Drinov", t. III, [v:] https://www.ibl.bas.bg/lib/ber_3_000-808/#page/437/mode/1up
- Bychkov A.A., *Entsiklopediya yazycheskikh bogov. Mify drevnikh slavyan*, Moskva: Veche, 2001.
- Chernykh, P.Ya., *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. 3-e izd., stereotipnoye, Moskva: Russkiy yazyk, 1999, t. I.
- Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond, vyp. 15 (*lĕtina – *lokač')*. Otv. red. O.N. Trubachev, Moskva: Nauka, 1988.
- Gaj-Piotrowski W., *Duchy i demony w wierzeniach ludowych z okolic Stalowej Woli, Rozwadowa i Tarnobrzega*, Wrocław 1993.

³² По пословице *Лихо не лежит тихо: либо катится, либо валится, либо по плечам рассыпается*.

³³ Ср. к этому, о дыре при лихе к началу, несколько по-иному, но и не так, чтобы случайно, — *Лиха беда почин: есть дыра, будет и прореха*.

- Gloger Z., *Encyklopedia staropolska ilustrowana*, Warszawa 1900.
- Ivanov Vyach.Vs., *Kategoriya lishitel'nosti v yazykakh evraziyskogo yazykovogo soyuza*, [v:] *Tipologicheskkiye i sopolstavitel'nyye metody v slavyanskom yazykoznanii*. Otv. red. T.N. Moloshnaya, Moskva 1993, s. 80-81.
- Ivanov Vyach.Vs., *Tipologiya lishitel'nosti (karitivnosti)*, [v:] *Etyudy po tipologii grammaticheskikh kategoriy v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh*. Otv. red. Vyach.Vs. Ivanov, T.N. Moloshnaya, Moskva: Indrik, 1995, s. 5-59.
- Ivanov Vyach.Vs., *Chet i nechet. Asimmetriya mozga i znakovyykh sistem*, Moskva: Sovetskoye radio, 1978.
- Ivanov Vyach.Vs., Toporov, V.N., *Slavyanskiye yazykovyye modeliruyushchiye semioticheskiye sistemy (Drevniy period)*, Moskva: Nauka, 1965.
- Kononenko A.A., Kononenko, S.A., *Personazhi slavyanskoy mifologii*, Kiyev: Korsar, 1993.
- Koval' A.I., *Semanticheskaya kategoriya karitivnosti v leksikone i tekste pular-ful'ful'de*, [v:] *Afrikanskiy sbornik – 2009*. Otv. red. V.F. Vydrin, Sankt-Peterburg: Muzey antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN (Sankt-Peterburg), 2009, s. 194-203.
- Kováľ U.I., *Narodnyja ŭjaŭlienni, pavier'i i prykmiety: daviednik pa ŭschodnieslavianskaj mifalohii*, Homieľ 1995.
- Krinichnaya N.A., *Russkaya mifologiya. Mir obrazov fol'klora*, Moskva: Akademicheskij projekt Gaudeamus, 2004.
- Linkner T., *Słowiańskie bogi i demony. Z rękopisu Bronisława Trentowskiego*, Gdańsk 1998.
- Lysko A., *Duchy i duszki bojszowskie. Opowieści ludowe z Górnego Śląska*. Bojszowy 1992.
- Mify narodov mira. V dvukh tomakh*. Gl. red. S.A. Tokarev, Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1982.
- Narodnaya demonologiya Poles'ya. Publikatsii tekstov v zapisyakh 80-90-kh godov XX veka*, t. III. *Mifologizatsiya yavleniy i chelovecheskikh sostoyaniy*. Sost. L.N. Vinogradova, E.E. Levkijevskaya, Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2016.
- Narodnyye russkiye skazki A.N. Afanas'yeva*. V trekh tomakh. Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, t. 1-3, 1957.
- Podgórcy B. i A., *Encyklopedia demonów. Diabły, diabelki, jędze, skrzaty, boginki... i wiele innych*, Wrocław: Astrum, 2000.
- Podgórcy B. i A., *Wielka księga demonów polskich. Leksykon i antologia demonologii ludowej*, Katowice: Wyd. KOS, 2005.
- Potebnaya A.A., *O doln i srodnykh" s" neyu sushchestvakh"*, [v:] Potebnaya, A.A., *O n'kotorykh" simvolakh" v" slavyanskoy narodnoy poezii*. Vtoroye izdanie, Khar'kov": Izdanie M.V. Potebnaya, 1914, s. 189-243.
- Preobrazhenskiy A.G., *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*, Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1959 (reproduktirovano s vypuskov 1910-1914 gg.), t. I.
- Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'*. Izd. 2-e, ispravlennoye i dopolnennoye, Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2002.
- Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' v pyati tomakh*. Otv. red. S.M. Tolstaya, Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1999, t. 2.
- Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI-XIV vv.) v desyati tomakh*. Gl. red. R.I. Avanesov, Moskva: Russkiy yazyk, t. IV (izzhivati – moleniie), 1991.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Gl. red. F.P. Filin. Red. F.P. Sorokoletov, vyp. 17, Leningrad: Nauka, Leningradskoye otdeleniye, 1981.

- Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh.* Izd. vtoroye, ispravlennoye i dopolnennoye. Gl. red. A.P. Evgen'yeva (MAS), Moskva: Russkiy yazyk, 1983, t. II.
- Sorokoletov F.P., *Leksika russkikh narodnykh govorov*, Moskva: Nauka, 1966.
- Sreznevskiy I.I., *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka*, Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1958 (po izd. 1895-1902 gg.), t. II.
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka.* Pod red. D.N. Ushakova (TSU), Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1938, t. II.
- Tolstaya S.M., *Semanticheskaya model' karitivnosti*, [v:] S.M. Tolstaya, *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoy perspektive*, Moskva: Indrik, 2008, s. 50-98.
- Fasmer M., *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka.* V chetyrekh tomakh. Perevod s nem. i dopolneniya O.N. Trubacheva. Izd. vtoroye, stereotipnoye, Moskva: Progress, 1986, t. II.

NOTA O AUTORZE

Piotr Czerwiński – prof. zw. dr hab., Uniwersytet Śląski w Katowicach, Instytut Językoznawstwa.

Najważniejsze publikacje: *Семантический язык фольклорной традиции*, Ростов-на-Дону 1989; *Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические основы этносемантики*, Тернополь 2010; *Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц*, Томск 2011; *Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные*, Katowice 2012; *Язык советской действительности. Семантика позитива в обозначении лиц*, Saarbrücken 2012; *Патетизмы советского официоза в аспекте модулятивной семантики*, Saarbrücken 2014; *Формы и виды бега русской ментальной действительности*, Тернополь 2014; *Русский речевой узус*, Тернополь 2018; *Семантика многолюдства русского языкового сознания*, Тернополь 2019.

ORCID: 0000-0001-6575-5736

E-mail: czerwinski.piotr@gmail.com